

ЖОРЖ ГУРВИЧ

СОЦИАЛЬНЫЕ РАМКИ ПОЗНАНИЯ*

Книга Ж. Гурвича воспроизводит, с некоторыми необходимыми исправлениями, уточнениями и добавлениями, курс лекций, прочитанный в Сорбонне в 1964–1965 гг. Ключевой проблемой являются социальные рамки видов и форм познания, а также, когда речь идет о таких особенно важных макросоциальных образованиях, как государства, церкви, социальные классы и глобальные общества, иерархии различных проявлений знания, т.е. когнитивные системы.

The volume of Georges Gurvitch reproduces with some necessary corrections, specifications, additions the course of lectures that he has delivered in Sorbonne in 1964–1965. The key problem is social frames of types and forms of knowledge, and the hierarchy of different manifestations of knowledge, e.g. cognitive systems. The last aspect is considered under the analysis of such macro-social formations as state, church, social classes, global societies.

Ключевые слова: Ж. Гурвич, социология знания, когнитивные системы, типы и формы знания.

Keywords: Georges Gurvitch, sociology of knowledge, cognitive systems, types and forms of knowledge.

Часть третья. СОЦИАЛЬНЫЕ КЛАССЫ И ИХ КОГНИТИВНЫЕ СИСТЕМЫ

Глава I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Переходя от частных групп, хотя и столь обширных и структурированных, как государства и церкви, — к социальным классам как к рамкам познания, мы оказываемся перед познавательными источниками чрезвычайной сложности и разнообразия. Дело в том, что восходящие социальные классы представляют собой частичные социальные миры, стремящиеся к тому, чтобы стать целыми социальными мирами, которыми являются, например, глобальные общества. Социальные классы у власти часто отождествляют себя с последними; нисходящие и лишенные власти классы полны воспоминаний о славном прошлом и не могут допустить перспективу своего собственного исчезновения.

Не вызывает сомнения, что социальные классы в той самой мере, в которой они существуют, борются между собой; эта борьба, различающаяся по интенсивности в зависимости от типов структур и конъюнктур обществ, где развиваются классы, оказывает сильное воздействие на государство и церкви, не говоря уже о других частных группах. Именно это послужило основанием для марксистского положения о том, что в области социологии познания социальные классы представляют собой гораздо более важный объект, чем частные группы. Но здесь необходимо остерегаться любого проявления догматизма.

Окончание. Начало см. в: 2008. Т. 10. Вып. 3-4 (42-43), 5-6 (44-45); 2009. Т. 11. Вып. 1 (46-47); Т. 11. Вып. 2 (48-49).

Социальные классы в собственном смысле (и Маркс это допускает, особенно в своих исторических работах) появились только вместе с капиталистическими обществами, или, шире, с индустриальными обществами. «Обретение классового сознания», в котором Маркс видит один из элементов, необходимых для формирования класса, наряду с участием в производстве и распределении, не может уподобляться, как он утверждает, «идеологии» этого класса. Термин «идеология» приобретает у него чрезвычайно изменчивые смыслы (от иллюзии или искажения до «продуктов цивилизации того или иного социального класса»; от оправдания политической позиции до характеристики любой науки о человеке, которая не была проникнута марксизмом).

Классовое сознание, каким бы оно ни было, есть, прежде всего, проявление коллективной психической жизни; последняя же выходит далеко за рамки одного когнитивного аспекта. Когнитивная система, соответствующая классу, никоим образом не поглощается его идеологией, которая выражает лишь один ее аспект. Характеристики, даваемые марксистами, имеют тенденцию к уменьшению сложности социальных классов как источника познания; большинство представителей марксизма рассматривают их, впрочем, без осознанного намерения, только в аспекте «политического познания» (см. прим.1), явного или скрытого. Кроме того, марксистская интерпретация социальных классов не выявляет в достаточной мере их богатство как макрокосмов группировок (в которые следует включить, среди прочих группировок, «социальные страты») и как микрокосмов проявлений социальности; она недостаточно освещает также изменчивость отношений между классами и их значения в глобальном обществе.

Стремясь дать понятию социального класса определение, которое было бы достаточно широким и гибким, чтобы охватить множественность их конкретных исторических форм, мы пришли в наших работах к нескольким формулам, одним – более сжатым, другим – более детальным. Вот одно из тех определений, которые нам представляются наиболее приемлемыми: *«Социальные классы – это сверхгруппы широкого масштаба, представляющие макрокосмы частных групп, макрокосмы, единство которых основано на их тенденции к сверхфункциональности, усиленной структуризации, сопротивлению к проникновению глобального общества и к несовместимости с другими классами»*. Все эти черты указывают лишь на тенденции классов, которые имеют различные степени интенсивности; в действительности, ни сверхфункциональность, ни непроницаемый характер по отношению к глобальному обществу, ни несовместимость с другими классами не являются элементами, данными раз и навсегда. Они допускают бесконечное множество акцентов.

Нам непонятно, как некоторые критики могли упрекать нас в желании «решить проблему заранее» вместо того, чтобы выбрать формулу, которая «не предваряет ответов» (см. прим. 2). Несомненно, здесь имеется недоразумение по поводу терминов, может быть недостаточно уточненных, но не по существу вопроса, так как, делая акцент на крайнем разнообразии степеней интенсивности сверхфункциональности, сопротивления проникновению глобального общества и несовместимости, мы приходим к самому релятивистскому определению, которое до сих пор давалось социальным классам, тем более, что мы также отметили различие числа иерархии страт в каждом из них (см. прим. 3).

Мы хотим в то же время подчеркнуть, что, рассматривая социальные классы в качестве социальных рамок познания, мы вполне отдаем себе отчет в том, что когни-

тивные системы, которые мы в них обнаружим, будут скорее неявными или спонтанными, чем явными и специально разработанными. Зависимость между социальными классами и знанием, следовательно, усложняется из-за того, что она не всегда прямая, но иногда косвенная, что несколько не уменьшает интерес проблемы. Отметим, наконец, что социальные классы могут воздействовать на организованные группы, такие как государства и церкви, а через их посредство — на их системы познания.

Различные индустриальные общества прошлого и настоящего породили в соответствии с их типами и конъюнктурами гораздо большее число классов, чем обычно говорится (см. прим. 4). Сам Маркс констатировал это: в каждой из его исторических работ анализируется от шести до восьми классов, некоторые из которых иногда обозначаются как «фракции» классов. Чтобы облегчить нашу задачу, мы рассмотрим, однако, три чаще всего выделяемых класса: крестьянский класс, буржуазный класс и пролетарский класс, к которым добавим нарождающийся «техно-бюрократический» класс, о котором сегодня столь говорят.

Глава II. КРЕСТЬЯНСКИЙ КЛАСС И ЕГО КОГНИТИВНАЯ СИСТЕМА

Относительно крестьянского класса напомним, что он никоим образом не совпадает с сельским населением. В то время как во Франции последнее разделено сегодня на многочисленные нарождающиеся классы, в то время как в Великобритании и Соединенных Штатах, несомненно, больше не существует крестьянского класса, в некоторых коллективистских странах (имеющих репутацию уничтоживших социальные классы), таких как СССР, Китай, Югославия, Польша, крестьянский класс обнаруживает такую жизнеспособность, что невозможно игнорировать его роль в эволюции этих режимов. В странах Латинской Америки, в частности, в Бразилии, крестьянский класс, разделенный на многочисленные группы, несомненно сохраняется, несмотря на тенденцию к переселению некоторых крестьян из деревень в большие города.

Специфическая форма сельскохозяйственной собственности не всегда позволяет уточнить конкретные признаки крестьянского класса. Последний определяется главным образом непосредственным трудом на земле, ограниченной площадью имеющихся в распоряжении земельных участков, особыми техническими орудиями; к этому прибавляется специфическая идеология (см. прим. 5). Эта идеология часто полна осторожности в отношении больших городов и их влияния, подозрительности в отношении государства (большая часть расходов которого оценивается как непроизводительная) и озлобленностью по отношению к другим классам: к буржуазии по причине высоких цен на промышленные товары; к многочисленным посредникам, особенно к торговцам продовольственными продуктами и скотом. В коллективистских странах буржуазия уступила место в сознании крестьянского класса технобюрократии и в особенности — плановикам и другим официальным представителям режима, или даже представителям администрации ближайшего города, выполняющей функцию контроля за поставками сельскохозяйственных продуктов, продаваемых на рынках, и за ценами на них.

А). В когнитивной системе, соответствующей крестьянскому классу, *перцептивное познание внешнего мира* должно быть поставлено на первое место. Пространства

и времена, в которые этот мир помещается, ощущаются, воспринимаются, концептуализируются, используются примерно таким же образом, как в познании групп жителей небольших поселений. Пространства являются эгоцентрическими и диффузными, времена — преимущественно сезонными, длительными и замедленными. Привязанность к традиционным техническим моделям и символам тормозит модернизацию. «Сообщество», возникающее в крестьянском классе или его фракциях, склонно приобретать характер пассивный и даже бессознательный, что сближает так называемое сообщество с «массой».

Одна из черт, отличающих это перцептивное познание внешнего мира от познания локальных групп, состоит в том, что оно в общем гораздо более эмоционально, недоверчиво в отношении других коллективных единиц и организаций, гораздо более благожелательно к диффузным пространствам и временам, отстающим от самих себя, гораздо менее способно, наконец, подчинять себе реальные пространства и времена, особенно социальные, за исключением тех, где господствует сельскохозяйственный труд и протекает повседневная жизнь крестьянства (или его фракций).

Только религиозные или гражданские войны, политические и социальные революции, отечественные войны, эпидемии, неурожай и т.д. (кроме обычно медленного проникновения новой техники, например, тракторов или химических нововведений, способных повысить плодородие почвы) могут поколебать присущее крестьянскому классу состояние оцепенения и изменить его когнитивные образы внешнего и социального мира. Но когда большие или малые потрясения проходят, крестьянский класс, постольку поскольку он сохраняется, обнаруживает в своем познании мира, как и во всех своих способах жизнедеятельности, тенденцию к замкнутости и продолжению своей собственной традиции.

В). *Познание посредством здравого смысла* в когнитивной системе, соответствующей крестьянскому классу, занимает второе место. Когда оно воспроизводится, оно может в действительности достигать в ней глубин и основательности, в которых присутствует философский мотив, называемый иногда «крестьянской мудростью», и в то же время политическая тенденция «самозащиты» и известной «крестьянской хитрости». Но познание посредством здравого смысла в познавательной системе крестьянского класса обнаруживается только в той мере, в какой этот класс вынужден защищаться против угрозы разложения, особенно ощутимой в странах централизованного коммунизма (см. прим. 6).

С). *Политическое познание*, связанное с познанием посредством здравого смысла, играет в когнитивной системе крестьянского класса гораздо более важную роль, чем обычно принято считать. Дело в том, что этот вид познания, не только в качестве стратегии, но в качестве утверждения идеала, очень редко кристаллизуется (по крайней мере, в странах Запада) в доктрину и даже в лозунги или программу. Отсюда вытекает тот факт, что крестьянский класс редко представлен политической партией, выступающей прямо от его имени. Можно, правда, привести несколько исключений. Во Франции периода III-й республики радикал-социалистическая партия лучше всего воплощала стихийный политический идеал крестьянского класса: дед — крестьянин, отец — учитель и секретарь мэрии или преподаватель лицея, внук — министр или председатель Законодательного совета. Но именно тогда, когда крестьянский класс окончательно пришел к власти, он начал распадаться как класс, вызвав в этом процессе разложение самой III-й республики.

В Восточной Европе положение представляется иным. Можно привести пример партии народников в России, названной впоследствии партией социалистов-революционеров, которая не без основания претендовала на то, что представляет русское крестьянство. Действительно, результаты голосования на выборах 1918 г. в Учредительное собрание показывают, что уже при коммунистическом режиме большинство населения поддерживало эту партию. Несмотря на почти немедленный роспуск Учредительного собрания, которое полностью удовлетворило требования крестьянского класса относительно конфискации всех частных земельных владений, «перераспределения земель» и восстановления старого русского «мира» в новой форме советских «колхозов», этот класс повел себя осторожно в отношении нового режима. Его современные политические устремления не ясны; явно они выражаются только через лояльность советскому строю и в то же время — православной церкви, а также через преобладающее влияние на Красную Армию.

Итак, если не считать исключительных конъюнктур, политическое познание крестьянского класса характеризуется осторожностью, сдержанностью, тенденцией к неопределенности и обнаруживает, в противовес тому, что можно было бы предположить, довольно незначительную склонность к мифологическому элементу, характерному для политического познания других социальных классов.

Д). *Познание Другого*, которое в этой когнитивной системе занимает лишь предпоследнее место, выступает здесь в двойном аспекте. С одной стороны, оно полно недоверия, не только по отношению к представителям других классов, но также и по отношению к соседям, принадлежащим к тому же классу и в какой-то мере ко всем. Концептуализации Другого основаны преимущественно на стереотипах, факт достаточно удивительный, учитывая тесноту связей в повседневной крестьянской жизни. С другой стороны, познание Другого становится прежде всего эмпирико-интуитивным, если речь идет о членах семьи, сельскохозяйственных рабочих, нанимаемых ею и особенно о членах одних и тех же сельскохозяйственных кооперативов (колхозов). В последних особенно важное место занимает познание конкретной индивидуальности каждого товарища.

Так, в познании Другого, присущему крестьянскому классу, возникает чрезвычайная сложность, даже некоторая двусмысленность, доходящая иногда до противоречия...

Е). То, что мы упоминаем в последнюю очередь *техническое познание* крестьянского класса, не означает, что оно всегда находится в нем на последнем месте; его роль и характер весьма изменчивы. Когда оно сливается с традиционным познанием, оно обычно интегрируется в перцептивное познание внешнего мира и в познание посредством здравого смысла. Но когда речь идет о новой и модернизированной технике, оно часто наталкивается на сопротивление, и чтобы ее внедрить требуется настойчивость со стороны глобального общества, с помощью или без помощи реорганизации сельскохозяйственной собственности и производства, а также режима, которому они подчинены. Резюмируя, можно сказать, что техническое познание играет, тем не менее, довольно незначительную роль в «классовом сознании», способствующем структуризации крестьянского класса.

Что касается акцентуации форм внутри видов познания, присущих этой когнитивной системе, то следует отметить, что в большей их части мистическая и рациональная формы, позитивная и спекулятивная формы комбинируются между собой,

но символическая форма, с одной стороны, коллективная – с другой, явно преобладают над адекватной и индивидуальной формами.

Глава III. БУРЖУАЗНЫЙ КЛАСС И ЕГО КОГНИТИВНАЯ СИСТЕМА

Буржуазный класс гораздо легче определять и исследовать, чем крестьянский класс, хотя в соответствии с эпохами и специфическими конъюнктурами он играл разную роль: вначале он был революционным авангардом, затем постепенно стал умеренным и примиренческим, позднее – консервативным или реакционным, и в настоящее время, когда он охвачен страхом перед социальными революциями, фашизированным с различными оттенками.

Разумеется, собственность на средства производства, месторождения полезных ископаемых и финансовые капиталы, постоянно занимала в нем важное место, сочетаясь с тенденцией к господству над рынками: внутренними, колониальными, международными или «общими», как конструктивным элементом буржуазного класса. Однако этот класс широко раскрылся для всех зажиточных группировок, и следует включить в него, наряду с предпринимателями, крупными финансистами и торговыми магнатами определенного масштаба, представителей свободных профессий, высших чиновников, административную и техническую бюрократию промышленных предприятий, банков, трестов и, наконец, картелей. Все эти «фракции» играют преобладающую роль в жизни буржуазии эпохи организованного и дирижистского капитализма.

В XIX в., в эпоху распространения буржуазного класса, «великие патроны», хорошие и расчетливые организаторы, предприниматели-ясновидцы, великодушные филантропы, были также представителями наиболее зажиточного и удачливого слоя буржуазии. До своей теперешней деградации буржуазии было свойственно оптимистическое классовое сознание, характеризующее верой в безграничный «экономический и технический прогресс», в гармонию интересов всех, в универсальность благ капитализма и городской цивилизации. В противовес крестьянскому классовому сознанию, замкнутому в самом себе, буржуазное классовое сознание претендует на всеобщее распространение. В течение долгого времени идеология этого класса была наиболее «рациональной» и наименее «эмоциональной» среди классовых идеологий.

А). Рассматриваемый в этом аспекте буржуазный класс выступает как чрезвычайно благоприятный источник знания вообще и большинства его видов в частности. Когнитивная система, соответствующая этому классу, характеризуется, прежде всего тенденцией к взаимопроникновению и равновесию трех видов знания: научного, технического и перцептивного познания внешнего мира. Именно приход к власти буржуазии способствовал прогрессу наук, естественных и точных наук прежде всего, как через прямое воздействие государства, так и через деятельность учебных заведений. Буржуазия, осуществляя господство в государстве, навязала ему наиболее точное исчисление пространств и времен («время – деньги»), исчисление, которое способствовало связи и объединению перцептивного познания внешнего мира и научного познания. Буржуазный класс также создал условия, способствующие все более тесной связи между познанием природы и техническим познанием. До прихода к власти буржуазного класса, в начальный период индустриального общества, последнее развивалось главным образом вне наук, непосредственно в мануфактурах и осуществлявшихся в них практиках труда.

Проиллюстрируем это взаимопроникновение и тенденцию к объединению названных нами трех видов познания в буржуазном классе, остановившись на перцептивном познании внешнего мира. Мы тотчас же констатируем, что внешний мир здесь помещается главным образом в *перспективных, поисковых пространствах*, которые поддерживаются потому, что соответствуют непосредственным интересам предпринимателей: экономической экспансии и развитию техники. Однако поиск невозможен без использования технических средств передвижения, а последние могут развиваться с достаточной быстротой только с помощью научного познания. Таким образом, перспективные и прожективные пространства, в которые буржуазное сознание помещает внешний мир, были связаны с завоеванием новых рынков, в частности, в колониальных странах, с поиском рабочей силы и естественных богатств (минерального сырья, нефти, угля и т.д.), наконец, с новым размещением капиталов, созданием национальных и международных промышленных организаций (включая тресты и картели).

Пространства, легко сжимающиеся и разжимающиеся благодаря внедрению все более и более совершенных средств сообщения, сочетаются здесь с временами, концентрирующимися вокруг циркуляции капиталов и инвестиций, производственно-го цикла предприятий, длительностью труда и обмена. В познании внешнего мира, свойственного буржуазному классу, пространства и времена ориентированы, следовательно, в одном и том же направлении, стремясь к объединению и измерению одними количественными эталонами.

Понадобилось все более и более сильное сопротивление пролетарского класса, его профсоюзного и политического движения, понадобились трудности, вызванные все более серьезными экономическими кризисами, антиколониальными войнами, наконец, возникновение коллективистских режимов, рожденных социальными революциями, чтобы буржуазный класс, потрясенный и встревоженный угрозой своей гибели, начал помещать познаваемый им внешний мир в более эгоцентрические и бурные пространства и времена; пространства и времена, которые не поддаются количественным измерениям и научным исследованиям, а также чисто техническим решениям.

Таким образом, внешний мир, познаваемый сегодня буржуазным классом, представляется помещенным, с одной стороны, в диффузные пространства, с другой — в концентрические и прожективные. Первые проистекают из неуверенности в судьбе социальных структур капиталистического типа, вторые связаны с принадлежностью к «блокам», находящимся в конфликте или в «мирном соревновании». Аналогичным образом время ожесточенной борьбы между опережением и отставанием и время беспорядочных битв, присущих капиталистическим обществам, оказываются спроецированными в само познание внешнего мира, разделенного на блоки. Нет надобности добавлять, что измерения времени здесь оказываются столь же беспомощными, как и измерения пространств.

В). Эти наблюдения приводят нас к *политическому познанию*, присущему буржуазному классу. Оно в принципе занимает здесь менее высокий ранг, чем взаимопроникающие три вида познания, о которых мы только что говорили.

Буржуазный класс всегда обнаруживал — от своего формирования в XVII в. до наших дней — очень эффективное политическое познание, и в качестве тактики, и в качестве утверждения идеала. Это политическое познание, присущее буржуазному

классу, множество раз выкристаллизовывалось в развернутые доктрины (от Гоббса, Спинозы и Руссо до неолиберализма и солидаризма конца XIX в.).

В политическом познании буржуазии, будь оно спонтанным или систематизированным, поражает то, что вплоть до первых десятилетий XX в. оно могло оставаться умеренным (см. прим. 7), опираясь на мифы мира, «равенства возможностей», безграничного технического прогресса, общности интересов всех, наконец, «изобилия»; эти призывы осуществлялись с осторожностью и сдержанностью. Несмотря на революции и контрреволюции, которые происходили в ее пользу, несмотря на роль, которую она играла в колониальных, международных и иногда даже гражданских войнах, буржуазия всегда стремилась избегать заходить далеко. В течение веков она оставалась осторожным политическим агентом, даже в моменты самых больших переворотов. Дело в том, что в конечном счете она всегда могла больше потерять, чем выиграть от всякого кризиса или революции; она прежде всего боится потерять свои богатства, а отсюда, — прекратить само свое существование. Всегда готовая к компромиссу и, по мере возможности, — к уступкам, буржуазия быстро становится осторожной и консервативной везде, где ее экономические интересы не находятся под серьезной угрозой и где ее существование не поставлено под вопрос. Положение изменилось только после социальных революций в восточных странах; страх перед коммунистической опасностью накануне и после Второй мировой войны придал буржуазному политическому познанию фашистскую окраску, усиленную в настоящее время влиянием, оказываемым внутри нее техно-бюрократической фракцией.

С). Из других видов познания мы можем исключить из рассмотрения *познание посредством здравого смысла*, которое играло или играет роль только в буржуазной семейной жизни. *Познание Другого* также не имеет в данном случае большого значения. В буржуазной когнитивной системе оно сводится к родовому понятию человеческой личности, идентичной у всех (кантовская интерпретация которого была наиболее адекватным выражением).

Д). Только *философское познание*, которому весьма способствовал буржуазный класс, заслуживает здесь специального упоминания. В сочетании рационализма и волюнтаризма у Декарта, рационализма и эмпиризма у Бэкона, и особенно в философских системах «Века Просвещения» (и в иной форме, как мы уже сказали, в системах Канта и неокантианцев) буржуазный класс несомненно оставил свой отпечаток.

Мы не будем входить в детали, так как считаем, что еще не пришло время для плодотворного и углубленного изучения социологии философских доктрин. Но чтобы избежать возможных недоразумений, мы можем подчеркнуть здесь, что большинство философских доктрин, созданных с конца XIX в. по настоящее время, больше не несут в себе следа прямой связи с буржуазным классом.

Что касается форм познания, акцентированных в видах знания, соответствующего буржуазному классу, то они в целом склоняются скорее к рациональному и эмпирическому, чем к концептуальному, скорее к адекватному, чем к символическому, наконец, скорее к индивидуальному, чем к коллективному. Более или менее равнозначными или, по крайней мере конкурирующими являются спекулятивная и позитивная формы. Разумеется, здесь речь идет только о тенденциях, так как в соответствии с фазами капитализма и даже в соответствии с конъюнктурами внутри конкурентного, организованного или дирижистского капитализма, представляется возможным множество вариаций.

Глава IV. ПРОЛЕТАРСКИЙ КЛАСС И ЕГО КОГНИТИВНАЯ СИСТЕМА

Рабочий класс, или пролетариат, который занимает в капиталистической промышленности неблагоприятное место, потому что не обладает собственностью на средства производства и живет только на доходы от своего труда, квалифицированного, благодаря получению профессионального образования, или неквалифицированного, медленно формировался и осознавал себя в качестве класса. Это обусловлено разнородным происхождением рабочего класса, возникшего из беднейшего населения городов, разорившихся ремесленников, наконец, из низших и дезинтегрированных слоев крестьян.

Возникновение «классового сознания» пролетариата датируется только началом XIX в.; оно проявилось в разнообразных социалистических и коллективистских доктринах, среди которых марксизм различных оттенков стал затем доминирующим. Коллективные умонастроения и сознание пролетариата, разумеется, выходят за рамки его «классового сознания» в собственном смысле. Они включают в себя, наряду с устремлениями к лучшему будущему и социальной революции, осознание потребностей, пережитые разочарования, усталость, тревоги по поводу остроты внутренних расхождений, наконец, иногда даже продолжительную индифферентность. Дело в том, что пролетарский класс может входить в конфликт со своими собственными организациями, может быть обескуражен борьбой внутри себя или чувствовать себя подавленным и преданным новой бюрократией, управляющей его аппаратом.

Сами изменения, не только силы классовой борьбы (которая вызывает изменения как в акцентуации элементов «массы», «сообщества» и «общины», так и в значении групп внутри пролетариата), но и форм, которые принимает эта борьба, ас недавних пор — возникновение тенденции к формированию «фракций», и даже к расколу на многие «рабочие классы», — значительно усложняют проблему пролетариата в качестве социальной рамки видов и форм познания.

В прошлом иерархия группировок, интегрированных в рабочем классе, в противовес тому, что происходит в буржуазном классе, устанавливалась в меньшей мере в соответствии с экономическими стратами (например, электрики и рабочие полиграфической промышленности — наиболее оплачиваемые, докеры и носильщики — наименее оплачиваемые) и профессиональными способностями, чем в соответствии с ролью определенных групп внутри пролетариата в его борьбе против других классов (профсоюзная элита, рабочие делегаты, «активные меньшинства»). Согласно результатам последних опросов, иерархия групп внутри рабочего класса еще более усложнилась в течение последних десятилетий. Действительно, пролетарские слои, обладающие техническими познаниями, наиболее важными для функционирования машин (например, ремонтники автоматов), наряду с привилегированным экономическим положением и прямым влиянием на администрацию предприятий, пользуются возможностью прибегать к новой и специфической стратегии в борьбе за их собственные интересы и за интересы всего рабочего класса, включая профсоюзы и их органы контроля на предприятии. Таким образом, возникают новые проблемы, касающиеся реального единства пролетарского класса в нашу эпоху, однако, к окончательному их решению прийти пока невозможно.

Но трудно предположить, что эти «привилегированные фракции пролетариата» теряют свое классовое сознание, объединяющее их с другими пролетарскими слоями и группами. Мы считаем, следовательно, возможным трактовать рабочий класс

как единый источник когнитивной системы, учитывая в то же время некоторые нюансы, связанные с внутренними различиями этой социальной рамки.

А). Бесспорно, господствующим видом познания в когнитивной системе пролетарского класса является *политическое познание*, как спонтанное и неявное, так и специально разработанное, явное и в конечном счете выкристаллизованное в разнообразных доктринах. Оно относится как к используемой стратегии, так и к идеалам, которые стремятся достичь в близком или отдаленном будущем, так как пролетарский класс, не будучи никогда привилегированным, ни при капиталистических режимах, ни при коммунистических централизованных режимах (которые, выступая от его имени, держат его, однако, в подчиненном положении), является недовольным классом, который стремится к лучшему будущему и удовлетворению множества до сих пор не удовлетворенных потребностей.

Существует, следовательно, необходимость познания тактик борьбы; борьбы с правительством, с руководителями заводов и предприятий, с другими классами, с профсоюзными и политическими организациями, которые либо враждебны пролетариату, либо, чаще всего, предают его, претендуя на то, чтобы представлять и говорить от его имени. Речь идет также о лучшем будущем и о режиме, лучше и более эффективно выполняющем свои обещания. Здесь может стоять вопрос либо об идеальном образе, обеспечивающем быструю реализацию, либо о мифе (в сорелевском смысле призыва к действию). В обоих случаях политическое познание пролетариата может возникнуть эмпирико-интуитивным образом, непосредственно из тактики борьбы или, наоборот, может выкристаллизоваться в концептуализированные, даже закостеневшие и иногда навязываемые доктрины. Впрочем, диалектика (см. прим. 8) между эмпирической формой и концептуальной формой внутри политического познания пролетариата вполне может приводить как к их поляризации, так и к взаимопроникновению. Этот момент не следует игнорировать.

В соответствии с различными фракциями и слоями внутри пролетариата это политическое познание может принимать различные оттенки: более оппортунистический или более революционный, более реалистический или более утопический, более рациональный или более мистический. Но каков бы ни был характер этого познания, оно всегда присутствует, и его ориентация зависит не только от пролетариата в целом и разнообразных слоев и групп, которые в нем интегрированы, но также и от конъюнктур (революционных, контрреволюционных, мирных, агрессивных и т.д.), в которых оказывается глобальное общество, поле действия и борьбы всех существующих в данное время классов.

В). Второе место в когнитивной системе пролетариата занимает *техническое познание*. Очевидно, что речь идет об активной части пролетариата, о той, которая реально участвует в процессе производства, то есть о рабочих в собственном смысле, а не о членах их семей (потомки, родственники по восходящей линии или супруги), которые не работают. Характер этого технического познания варьируется в соответствии с фракциями и слоями, составляющими этот класс. В той мере, в какой распространяется профессиональное образование (в частности, то, которое связано с ремонтом и наладкой автоматических машин), техническое знание играет все более важную роль в производственной деятельности рабочего класса. Если в началь-

ный период капитализма это было стихийное знание, достигнутое исключительно в труде, остававшееся поверхностным и не превосходящее уровня ловкости и сноровки, то в настоящее время, несмотря на чрезвычайную сложность машин, это техническое познание может служить основой формирования особых фракций трудящихся. Эту особую категорию трудящихся в области профессиональной компетенции отличает тогда от инженеров то, что их техническое познание не связано с научным познанием. Именно это отсутствие связи между двумя видами познания является уязвимым местом наиболее квалифицированных рабочих и держит их в ряду пролетариев.

С). На третье место в системе познания, соответствующей рабочему классу, следует поставить *перцептивное познание внешнего мира*, которое в данном случае является гораздо более субъективным и эмоциональным, чем в буржуазном классе, поскольку пролетариат теснейшим образом связан с условиями и местом работы, с расстоянием между местом работы и жилищем, с транспортной связью между ними, наконец, с самими жилищными условиями и т.д.

В то же время перцептивное познание внешнего мира рабочего класса отличается также от аналогичного познания крестьянского класса, которое, как мы видели, является преимущественно эгоцентрическим, замкнутым в себе, недоверчивым по отношению ко всему незнакомому. Напротив, пролетарский класс привлекает познание всех аспектов настоящего и будущего внешнего мира, а также положение классов как в своей собственной стране, так и в зарубежных странах. Таким образом, особое внимание рабочих привлекает все, что происходит в различных странах с их собственным классом.

Пространства и времена, в которые здесь помещается внешний мир, имеют специфический характер. Усталость, разочарование, безразличие трудящихся влекут их к эгоцентрическим и прожективным пространствам. Пространства пролетарских организаций, профсоюзных и политических, в сочетании с временами, в которых часто будущее господствует над настоящим, обнаруживают проспективную тенденцию. Что касается концентрических, диффузных и разжимающихся пространств, то они конкурируют между собой в соответствии с тем, идет ли речь о самом пролетариате, о враждебных ему классах или о будущем обществе. В то же время познание внешнего мира и пространств, в которые он помещен, испытывает сильное влияние познания времен, где отдаленное будущее господствует над настоящим и прошлым; время, опережающее само себя, а в некоторых случаях творческое время имеет тенденцию к преобладанию над познанием пространств.

Рабочий класс почти не прибегает к познанию посредством здравого смысла, которое обычно осуществляется только через политическое познание, особенно когда речь идет о тактике.

Д). Что касается *познания Другого и «Мы»*, то в рамках пролетариата оно требует особого анализа. Познание конкретного Другого здесь ограничивается членами одних и тех же профсоюзных и политических ячеек или же одной и той же рабочей бригады. Личность Другого здесь выступает прежде всего в аспекте политического активиста. Но в то время как познание Другого в данном случае очень ограничено, познание «Мы», групп и классов, напротив, очень интенсивно. Стоит ли вопрос о пролетарском классе и его подразделениях (в особенности) или враждебных, нейтральных и промежуточных классах, познание коллективов играет важную роль в де-

тельности и сознании этого класса. Речь никоим образом не идет о смутных представлениях или простых предрассудках, но о познании, которое часто является глубоким, связано с исторической памятью, с многолетней практикой профсоюзной и политической борьбы, наконец, с образами лучшего будущего.

Е). Это приводит нас к рассмотрению тезиса некоторых социологов XIX в., тезиса, не лишённого интереса, но который содержит, как мы считаем, ошибку, которая стала явной, благодаря познавательной ситуации XX в. С одной стороны, Прудон и Маркс, с другой — Огюст Конт (последний, однако, антипод первых со всех точек зрения), провозгласили пролетариат решающим реформатором *философского познания*. Прудон сначала в «Системе экономических противоречий» (1846), затем в работе «О справедливости в революции и церкви» (1858) (эюд VI о *Труде* и исследование VII об *Идеях*) утверждает, что пролетариат, который он сравнивает с Прометеем, уничтожив отчуждение труда, вызовет триумф философского познания в качестве практического доказательства того, что «идея с ее категориями рождается из действия и должна вернуться к действию под угрозой деградации для ее агента» (см. прим. 9). Маркс в своих «Тезисах о Фейербахе» (введение к «Немецкой идеологии», 1845), рассматривая пролетариат как воплощение практической социальной деятельности, утверждает, что он будет вдохновляться новым философским познанием (см. прим. 10). «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а практический вопрос», — говорит Маркс (тезис II). «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания... забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан... Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика» (тезис III). «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (тезис XI).

Короче, Прудон и Маркс представляют рабочий класс призванным продвигать новое философское познание, обозначаемое впоследствии как прагматистская философия. Эта философия имела особый успех преимущественно в капиталистической стране, Соединенных Штатах Америки, где от Уильяма Джеймса до Джона Дьюи прагматистская философия одержала верх, нисколько не интересуя пролетарский класс.

Огюст Конт очень редко вводит в свой анализ разделение на классы и еще реже упоминание о существовании пролетариата. Его социологические концепции противоположны концепциям Прудона и Маркса (которые он, впрочем, не знает и которые весьма враждебны его концепциям). Однако, он в своей «Речи о системе позитивизма», датированной 1848 г. и включенной в первый том его «Системы позитивной политики», также не избежал призыва к пролетариату «в качестве носителя нового философского познания», которое он, разумеется, отождествляет со своей собственной позитивной философией. Он заявляет, в частности, что вызывает у нас некоторое удивление: «Полное социальное обновление, требуемое позитивизмом, вызывает почти такой же страх у различных средних классов, как и у высших классов; вот почему позитивизм может приобрести глубокие коллективные привязанности только в пролетарском классе». Существует, утверждает он, «близкое родство между позитивной философией и пролетариями». Он не обосновывает эти утверждения никакими доказательствами и забывает о них в трех других томах своей «Системы позитивной политики», которые адресованы исключительно реакционным самодержцам.

После смерти Маркса догматический марксизм, представленный, в частности, Энгельсом, Каутским и Плехановым, и от которого Ленину (несмотря на его волюнтаризм (см. прим. 11) и скрытый эмпиризм, а также очень обостренное ощущение специфичности русской истории) не удалось полностью избавиться, приписывает пролетариату, наряду с другими «историческими миссиями» (такими как «полная ликвидация отчуждения человека и общества») миссию главной поддержки особой философии — «диалектического материализма» [(термин, который Маркс никогда не употреблял (см. прим. 12)] и который уже неизвестно что означает, так как концепция «материи» непрерывно изменяется с развитием науки, в частности, современной физики. Какая связь существует между современной «квантовой физикой», имеющей дело с «квантами энергии», и «материей», взятой в любом ее значении? Так термин «диалектический материализм» вносит только путаницу в интерпретацию «диалектики», в том виде как Маркс ее действительно определял и применял, говоря о реализме и гуманистском витализме. В то же время Маркс различал реальные диалектические движения (в различных глобальных обществах, социальных классах, наконец, группах и т.д.) и подчеркивал различие между реальным диалектическим движением и диалектическим методом, применяемым для его изучения.

В моей недавно вышедшей книге «Диалектика и социология» я пытался доказать, что всякий недогматический диалектический метод может быть только эмпирическим и что всякий подлинный эмпиризм, который не остается на поверхностном уровне, может быть только диалектическим (отсюда созданный мной термин «диалектический гиперэмпиризм»). Согласно этой интерпретации, диалектический метод — это только очищение застывших понятий, очищение, предшествующее всякому философскому и научному познанию, необходимое в особенности в науке о человеке, двумя доминирующими отраслями которой являются социология и история (см. прим. 13).

Что касается пролетарского класса, находится ли он в положении эксплуатируемого класса или класса, от имени которого выступают руководители, чаще всего несправедливо, то до сих пор он *никогда не пробуждался от сна или философского оцепенения*. Что произойдет в будущем? Мы попытаемся показать в главе, посвященной когнитивной системе, соответствующей обществам, планируемому согласно принципам децентрализованного коллективизма (см. прим. 14), основанному на самоуправлении всех заинтересованных, что философское познание в сочетании с познанием Другого может занять первостепенное место. Но это предполагает в то же время исчезновение пролетариата и образование новых классов. Во всяком случае, мы можем констатировать, что рассматривать пролетариат как социальный класс в качестве источника философского познания значит вступать в область *верований и мифов*.

Но если речь идет о химерах, то откуда они берутся? Прежде всего, возможно, от предположения, что политическое познание, присущее пролетарскому классу, содержит в скрытом виде философию. Затем, от того факта, что философское познание их эпохи не несло ничего конструктивного и удовлетворительного для мыслителей, питавших эту надежду. Их потребность в утешении проявилась, в частности, в ожидании новой философии, впервые вышедшей из среды пролетарского класса. Но до сих пор ничто не отвечало этой надежде. Ни одна из философий, созданных в XX в.: бергсонизм, феноменология различных оттенков, абсолютный или релятивистский реализм или экзистенциализм в его разнообразных интерпретациях, — не

могут быть приписаны пролетарскому классу и не вызвали в нем ни малейшего отзвука. В нашу эпоху, когда преобладают технические познания, все более и более пронизанные научными познаниями, именно последние, даже в непопулярном виде, имеют глобальную притягательную силу в высших слоях пролетариата.

В видах познания, источником которых действительно является пролетарский класс, то есть в политическом познании, перцептивном познании внешнего мира и, наконец, познании «Мы», явно господствует коллективная, символическая и спекулятивная формы. Мистическая окраска иногда ослабляет рациональную форму, а концептуальная и эмпирическая формы уравнивают друг друга.

Глава V. ФОРМИРУЮЩИЙСЯ КЛАСС ТЕХНОБЮРОКРАТОВ И ЕГО КОГНИТИВНАЯ СИСТЕМА

Потенциальный класс технобюрократов, обладающий неконтролируемой властью над решениями, которая делает их исключительную техническую компетентность независимой от целей, которым она должна служить, и сила которой состоит в ее повсеместном присутствии, распространяющемся от крупных промышленных предприятий до высшей государственной администрации, органов общественного и частного планирования, штабов современных армий, находит особенно сильную поддержку в трестах и картелях при организованном и дирижистском капитализме. Всемогущество формирующегося технобюрократического класса обнаруживается и усиливается в стремлении к захвату «аппаратов» различных политических партий независимо от их ориентаций, не говоря уже о профсоюзах, как рабочих (увы), так и предпринимательских. Более того, это стремление технобюрократии к всемогуществу становится угрожающим повсюду и со всех точек зрения в различных международных организациях, таких как ООН, ЮНЕСКО, НАТО, в различных институтах «Европы» и т.д. и даже за их пределами.

Это стремление не ограничивается дирижистскими капиталистическим режимами (см. прим. 15), но представляет существенный аспект фашистских режимов (см. прим. 16), их логическое завершение; свергнутые недавно в Германии, Италии и Аргентине, они угрожают возродиться сегодня в новых формах вплоть до некоторых стран «деколонизованного Третьего мира». Технократическая тенденция может даже возникать в коммунистических режимах на некоторых этапах их развития, в частности, на этапе централизованного коллективизма (см. прим. 17). Она проявляется в процессе борьбы за ликвидацию отсталости в области производственной техники. Здесь, однако, технократическая опасность никогда не была большой и понемногу начинает устраниваться, благодаря реминисценциям, более живым, чем когда-либо, базовой экономической демократии, с которой началась советская революция, а также благодаря примеру Югославии и, по крайней мере, частично, — Польши; обе эти страны ориентируются на децентрализованный коллективизм, основанный не только на «рабочем контроле», но и на рабочем самоуправлении на заводах и на участии представителей всех заинтересованных в региональных и центральных советах планирующих организаций.

Тем не менее, существование, реальное или потенциальное, техно-бюрократического класса, представляющего в большинстве борющихся сегодня режимов опасность различной степени и с различными последствиями, не вызывает сомнений. Вопрос о когнитивной системе, соответствующей этому реальному или формирующемуся

щемуся классу имеет определенное значение, и его изучение заслуживает некоторого внимания.

В первую очередь, мы с очевидностью обнаруживаем *техническое познание, достигающее здесь наивысшей стадии*. Техно-бюрократический класс обладает наиболее важными техническими секретами, которые позволяют манипулировать прежде всего природой, но также, через ее посредство, другими людьми, группами и обществами, так как атомная энергия и бомбы, межконтинентальные и межпланетные ракеты, автоматические и электронные машины и т.д. оказывают реальное или потенциальное влияние во всех областях. Не вызывает сомнения, что эти познания придают их обладателям, индивидам и группам, желание и возможность злоупотреблять своей властью. Глобальные социальные структуры, а также нетехнические творения цивилизации, которые их цементируют, оказываются под давлением и угрозой необузданной техники, на управление которой претендуют технократы. Но в действительности, чаще всего технократы не справляются с этими всемогущими машинами, и оказываются во власти тех сил, которые они сами привели в движение, играя таким образом роль волшебников-учеников. Их власть сводится главным образом к авторитарному и неконтролируемому господству над участниками различных организаций, зависящих от этой техники.

Второе место в этой когнитивной системе принадлежит *научному познанию*, с которым сочетается техническое познание на его высшем уровне. Само научное познание все более и более технизируется, поскольку техно-бюрократия стремится к технизации, чаще всего чрезмерной, всякой науки.

В-третьих, техно-бюрократический класс служит рамкой для *политического познания*, как явного, так и скрытого. Подобное познание прежде всего необходимо для того, чтобы примирять пять противостоящих друг другу групп, составляющих этот класс, а именно: 1) технических экспертов; 2) плановиков; 3) «организаторов», или «работников аппарата» больших экономических предприятий, трестов и картелей, а также политических партий и профсоюзов; 4) бюрократов — высших чиновников собственно общественных служб; 5) военных технических специалистов. Ни интересы, ни концепции, ни идеология, впрочем, довольно пестрая (см. прим. 18), ни политическая ориентация этих пяти фракций, часто борющихся между собой, не тождественны. Следовательно, для того, чтобы структурироваться в единый класс, им приходится прибегать к научной политической стратегии.

Развернутая политическая доктрина, подчеркивающая необходимость власти «правлящих элит» в качестве воплощения исключительной компетентности, призванных одарить грядущее общество полностью дегуманизированной «технической цивилизацией», в действительности распространяется в капиталистических странах, где она может принимать различные оттенки. В коллективистских и коммунистических странах подобная доктрина (по крайней мере, в качестве явно признаваемой) стала невозможной, так как установление промышленной демократии, основанной на самоуправлении всех заинтересованных и обеспечивающей торжество глубокого гуманизма, который остается высшей целью, навязывается даже привилегированным группам руководителей отраслей индустрии, работников «партийного аппарата» и военных экспертов.

Четвертое место занимает *перцептивное познание внешнего мира*, которое эта когнитивная система помещает в очень специфические пространства и времена. Пространства отождествляются здесь с движением машин и организованных аппаратов, размещая их определенным образом и в то же время находясь под их господством.

В принципе эти пространства являются преимущественно перспективными благодаря их прямой связи с ничем не сдерживаемой техникой, то есть ставшей независимой от когнитивных структур, которые ее породили. Кроме того, эти пространства, характеризуются способностью к бесконечному раскрытию.

Но в действительности, эти пространства-машины связаны с агрессивностью техно-бюрократических групп, которые, управляя ими, оказываются захлестнутыми теми силами, которые они высвободили, и в конечном счете поработаются ими. В той мере, в какой эти пространства остаются привязанными к данным группам «волшебников-учеников», они окрашиваются одновременно эгоцентрическим и прожективным элементом.

С другой стороны, время, в которое техно-бюрократический класс помещает внешний мир, — это время, которое он приписывает своему собственному движению, то есть, с одной стороны, время технических машин, опережающее само себя, а, с другой стороны, — время долгосрочного планирования. Иногда это также взрывное время создания новых машин или их нового использования. Указанные времена усиливают перспективный и агрессивный характер пространств, которые этот класс стремится породить и в которых движение внешнего и социального миров проявляются.

Однако техно-бюрократический класс в этом перцептивном познании является жертвой иллюзии: его участники первыми поработаются пространствами-машинами и временами-машинами, над которыми они надеются господствовать после прихода к власти, но которые вовлекают общество в саморазрушительную гонку. Перед лицом такой перспективы этот класс находит некоторое успокоение в своей бессознательной тревоге (которое его претенциозное бахвальство только камуфлирует) в той мере, в какой сами его участники (любой фракции) выступают наиболее ревностными сторонниками растворения конкретных пространств и времен в тотальной пространственно-временной квантификации, которую их собственное познание внешнего мира отвергает, однако, как очень относительную. Отсюда новое препятствие к структуризации этого класса, которое он может преодолевать только через бред, столь же агрессивный, сколь и бессмысленный.

До сих пор техно-бюрократический класс не дал ни одной собственно философской доктрины, но вполне возможно, что он создаст ее, несмотря на все внутренние препятствия, которые мы попытались выявить (противоречивая идеология, бессознательная тревога техно-бюрократов перед их бессилием в отношении машин, которыми они управляют, конфликты, разделяющие умонастроения различных фракций этого класса). В действительности, нельзя отрицать, что в установках этого формирующегося класса можно обнаружить некоторые неявные философские ориентации, находящиеся на полпути между кибернетикой, прагматизмом, лишенным всякого гуманизма, и смутным влиянием Хайдеггера — единственного подлинного философа, принявшего нацистский режим, но затем отрекшегося от него (см. прим. 19).

Наконец, в когнитивной системе, соответствующей техно-бюрократическому классу, ни *познание Другого*, ни *познание посредством здравого смысла* не играют никакой определенной роли. Что касается первого из этих познаний, то презрение к ближнему, и особенно к находящемуся ниже в иерархии, слишком велико, чтобы названное познание могло быть реализовано.

Что касается акцентуации форм познания, то рациональное и мистическое, а также индивидуальное и коллективное, уравнивают друг друга, тогда как господствуют концептуальное, символическое и спекулятивное.

Разумеется, как и во всех других классах, интеграция техно-бюрократического класса в различных типах дирижистского капитализма или фашизма отражается на характеристиках когнитивной системы, которая ему соответствует, как мы увидим в четвертой части этой книги.

Примечания

1. См. мои работы: *Le concept de classe sociale de Marx a nos jours*. 1re éd. — 1954 ; 3me éd. P., 1960. *Oeuvres choisies de C.-H. de Saint-Simon: La physiologie sociale*. Introduction. P., 1965. P. 17-21, 29-30. Proudhon. P., 1965. P. 5, 9-10, 12-13, 32-33, 34-35, 43, 45, 61-70. *La vocation...* Vol. I. P. 357-402; Vol. II. P. 452-461. *Dialectique et sociologie*. P., 1962. P. 118-156.

2. Aron R. *La lutte des classes*. P., 1964. P. 64, etc.

3. См. мое предисловие к публикации трудов V Конгресса «Международной ассоциации франкоязычных социологов», посвященного «Социальным классам в современном мире». *Cahiers internationaux de sociologie*, vol. XXXVIII, 1965. P. 4-9.

4. Это наиболее важное положение, присутствующее во всех докладах названного конгресса, несмотря на расхождения в тенденциях и интерпретациях. Тот же вывод можно сделать из конкретных описаний «борьбы классов», т. е. характера конфликтов, которые их разделяют и разнообразие которых превосходит все ожидания. См. «*Cahiers internationaux de sociologie*», vol. XXXVIII, XXXIX; в них публикуются все доклады, сделанные на Конгрессе в Квебеке о «Социальных классах в современном мире».

5. Иногда эта «идеология» дифференцируется, как, например, в Бразилии, на различные фракции крестьянского класса, часть которого еще остается кочевой или же привлекается еще нераспаханными землями.

6. В странах развитого капитализма, в особенности в Соединенных Штатах и Великобритании, крестьянский класс уже давно исчез.

7. Одно из исключений представляет собой жестокая реакция против Парижской Коммуны 1871 года.

8. См. о моей концепции диалектики и множественности ее проявлений и процедур мою книгу «*Dialectique et sociologie*». P. 179-220.

9. См. изложение философских концепций Прудона в моей книге «*Proudhon*». P. 15-31.

10. См. краткое изложение философских идей Маркса в главе XII моей книги «*La vocation...*». Vol. II. P. 220-270.

11. Этот волюнтаризм ясно виден в книге Ленина «Государство и революция» (1917) и в речах, произнесенных в последние годы его жизни. Знакомство с французским революционным синдикализмом могло повлиять на развитие его мысли, но это не достоверно. Может вызвать удивление мое утверждение о скрытом «эмпиризме» Ленина, в то время как он чрезвычайно резко осудил в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1909) концепции Маха и Авенариуса, а также их русских сторонников, Богданова и других, пытавшихся примирить эмпириокритицизм и марксизм.

Однако не следует забывать, что речь идет о *двух различных периодах деятельности Ленина*. Кроме того, все истории философии знают, что существуют квазibesконечные вариации в интерпретациях эмпиризма, от догматического сенсуализма Локка и Кондильяка до «диалектического эмпиризма», принципы которого я пытался отстаивать (см. «*Dialectique et sociologie*», p. 177-220). Но в то же время, когда я упоминаю о «скрытом эмпиризме» Ленина, я имею в виду не его теоретические утверждения, но их конкретные применения, например, его положение о том, что социальная революция может победить в технических слабо-развитых странах (обозначаемых сегодня термином «третий мир», где пролетарский класс едва начинает формироваться). Это было также верно, по крайней мере, отчасти, для России, где в момент Октябрьской революции пролетариат, несмотря на его весьма революционный дух и мощные подпольные организации, составлял только 6-7% всего населения. Ленин в своих последних работах с особой силой подчеркивал, что «условия победы социальных революций» чрезвычайно разнообразны в различных странах. И это является одной из его наиболее значительных заслуг как мыслителя и как практика.

12. Он говорил только о «гуманистическом реализме» и, позднее, о зависимости сознания от социальной жизни. Когда Маркс упоминает о «новой материалистической историографии», он имеет в виду скорее метод исследования, чем материальную инфраструктуру общества и его наиболее важной части — исторической реальности. Все это не имеет ни малейшего отношения к «материалистической философии».

13. См. изложение диалектики Маркса в моей книге «Диалектика и социология».

14. См. ниже, часть IV, гл. XII.

15. См. ниже, часть IV, гл. IX.

16. См. ниже, часть IV, гл. X.

17. См. ниже, часть IV, гл. XI.

18. Действительно, велика дистанция от идеологии «сверхчеловека» Ницше, иногда выдвигаемой на первый план, до расизма (признаваемого или непризнаваемого) и глубокого презрения к ближнему, находящемуся ниже в иерархии, или же разновидности нарциссизма, основанного на успехе вследствие исключительной компетентности. Таково одно из проявлений пестрого характера технократической идеологии. Однако, несмотря на все расхождения и маскировки, она всегда глубоко антиэгалитарна и враждебна демократии. Говорить о «либеральной технократии» (как это делают сегодня некоторые во Франции), значит играть словами и оказываться перед противоречием в определении. Технократия, во всех своих формах — это *современное проявление тирании, а смягченная тирания может иногда становиться гораздо более ужасной, чем тирания открытая.*

19. Напомним, что Хайдеггер был назначен ректором Фрейбургского университета под давлением нацистского правительства, после того как заявил о «еврейском характере» феноменологической философии в интерпретации своего учителя, основателя феноменологии Гуссерля. Все его официальные речи этой эпохи полны хвалебных слов в адрес Гитлера; более того, члены его семьи, жена и дети, вступили в нацистскую партию. Тот факт, что затем Хайдеггер отошел от всякой политической деятельности и совершил публичное покаяние в самой своей философии, по-новому сформулированной в “Holzwege”, ничего не меняет в двусмысленном характере как его философии, так и поведения, о чем французская общественность плохо информирована.

Пер. с фр. А.Б. Гофмана

УИЛЬЯМ АЙЗЕК ТОМАС

НЕПРИСПОСОБЛЕННАЯ ДЕВУШКА*

В этой главе классической книги У.А. Томаса «Неприспособленная девушка» дается развернутая формулировка его концепции определения ситуации. Разграничивая индивидуальные и социальные определения ситуации, Томас уделяет первостепенное внимание последним. В этой связи он рассматривает роль семьи и сообщества в определении ситуации для индивида. Теоретический анализ обильно иллюстрируется личными документами. В завершении главы Томас констатирует, что в современных условиях происходит крушение старых форм социального регулирования поведения через семью и сообщество.

In this chapter of his classical work, “The Unadjusted girl”, W.I. Thomas offers the elaborated formulation of his concept of the definition of the situation. While making distinction between individual and social definitions of situations he focuses attention on the latter. In this connection

Гофман Александр Бенционович — доктор социологических наук, профессор, профессор социологического факультета Государственного университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: a-gofman@yandex.ru.

* Thomas W.I. The Unadjusted Girl: With Cases and Standpoint for Behavior Analysis // Criminal Science Monographs. № 4. N.-Y., 1923. P. 41-69.